

Соловьева Наталия Владимировна

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ И СКАЗОЧНОЙ КАРТИН МИРА

В статье систематизируются совпадающие и различительные характеристики мифологического и сказочного хронотопов. Оба хронотопа отличаются антропоцентричностью и биполярностью, выражающейся во взаимосвязанных пространственных и временных оппозициях. Мифологический хронотоп отличается цикличностью, воспроизводимостью, его пространственно-временные образы синкретичны. Сказочному хронотопу свойственны сужение пространственно-временного континуума и переход от цикличности к линейности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 48-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

POST-MODERNISTIC PROSE AS META-TEXT (BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL-COMMENTARY
BY Y. POPOV "THE REAL STORY OF THE "GREEN MUSICIANS")

Prikhoda Irina Veniaminovna
Chelyabinsk State University
prikhoda-irina@mail.ru

The article discovers meta-textuality conception in the literary criticism and linguistics. The author presents a brief survey of post-modernistic works which nowadays have the highest concentration of meta-textuality among literary texts. The paper provides an analysis of one of the works of post-modernistic trend on the basis of which makes conclusions on the main meaning-formative components of meta-textuality conception and meta-text's functions.

Key words and phrases: meta-textuality; inter-textuality; post-modernism; meta-text; author's image.

УДК 82-1/-9

В статье систематизируются совпадающие и различительные характеристики мифологического и сказочного хронотопов. Оба хронотопа отличаются антропоцентричностью и биполярностью, выражающейся во взаимосвязанных пространственных и временных оппозициях. Мифологический хронотоп отличается цикличностью, воспроизводимостью, его пространственно-временные образы синкретичны. Сказочному хронотопу свойственны сужение пространственно-временного континуума и переход от цикличности к линейности.

Ключевые слова и фразы: картина мира; мифологический и сказочный хронотоп; пространственно-временные образы; цикличность; линейность; биполярность.

Соловьева Наталия Владимировна, к. филол. н., доцент
Московский государственный областной университет
natavs@list.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ И СКАЗОЧНОЙ КАРТИН МИРА**

Пространство и время принадлежат к фундаментальным онтологическим категориям, характеризующим «формы бытия процессов, вещей и явлений, отражающих, с одной стороны, их со-существование (в пространстве), с другой – порядок смены их друг другом (во времени), продолжительность их существования» [15].

Как известно, восприятие времени и пространства менялось вместе с развитием человечества. Для первобытного человека, с его мифологическим сознанием и ориентированностью на эмоционально-чувственный опыт, Вселенная представлялась замкнутым пространством. В центре мифологической картины мира находился конструктивный элемент природы – цикл (восход и заход солнца как отражение ежедневного цикла; смена времен года как отражение ежегодного цикла; рождение, жизнь и смерть как отражение цикла человеческого существования). Повторение циклов задавало определенный ритм и одновременно подразумевало круговорот вещей и существ внутри замкнутого космоса. С переходом от пралогического к логическому мышлению у человечества появилась потребность в измерении и структурировании времени и пространства, систематизации множества явлений объективного мира в соответствии с их пространственными и временными характеристиками.

В настоящем исследовании нас интересует специфика пространственно-временной организации сказочной картины мира, сохранившей мифологические корни и одновременно отличающейся таким качеством, как художественность. Наша цель заключается в установлении сходств и отличий сказочного и мифологического хронотопов. Исследование мифологической и сказочной картин мира представляется нам актуальным, поскольку миф и сказка как специфические способы мировосприятия восполняют «пробоины рационально-рационального восприятия действительности, навязанного техногенной цивилизации» [9, с. 8], транслируют опыт с учетом не только рационального, но и героического, красивого, справедливого.

Одной из «несущих конструкций» (по определению М. М. Бахтина) обеих картин мира, мифологической и сказочной, становится хронотоп – особая пространственно-временная организация, позволяющая сделать образ мира наглядно-зримым. Предложенный М. М. Бахтиным термин «хронотоп» (греч. *χρόνος* «время» и *τόπος* «место») обозначает единство, взаимосвязь и взаимовлияние времени и пространства в художественном произведении: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – «времяпространство»)» [1]. При этом хронотоп призван условно воспроизводить пространственно-временную картину мира, образы времени и пространства не тождественны реальным и обладают собственными особенностями.

Обратимся к рассмотрению понятия времени в мифическую эпоху, под которой подразумевается доисторический период, когда человек создавал первопредметы (орудия охоты, предметы быта) и совершал перводействия (добывание огня, приемы охоты, строительство жилища, ритуальные действия). Неразрывная

связь человека с окружающей природой и коллективом, к которому он принадлежал, обусловленность мышления эмоционально-чувственным опытом приводили к восприятию времени как регулярного чередования природных и биологических циклов, биокосмических ритмов. В силу этой цикличности мифическое время закрыто, конкретно и связано с потоком событий в настоящем.

В мифе можно выделить два аспекта: диахронический и синхронический. Диахронический аспект – время происхождения явлений (первопредки, первопредметы и первопричины, отождествляющие сущность вещей с их происхождением и объясняющие способы их использования, относились к начальному времени первотворения – «мифологическому прошлому»). Синхронический аспект – время объяснения явлений (события настоящего воспроизводят события изначального времени: человек осваивает новые земли, т.е. воспроизводит процесс упорядочивания, переход от хаоса к космосу; человек сражается, т.е. воспроизводит поединок богов; человек женится, т.е. воспроизводит первую брачную церемонию предков). При этом мифическое время развивается не в диахроническом плане, а в циклическом: «Сакральное время предстает как обратимое, прерывное и восстанавливаемое время, как некое мифическое вечное настоящее» [16, с. 55].

Подтверждением представления о времени как о круговом движении являются мифологемы, со временем утратившие связь с метаязыковой средой. Так, языческие наименования дней недели оказались устойчивы к воздействию христианской культуры, несмотря на то, что утратили в обыденном сознании европейцев связь с именами древних божеств или обожествляемых планет:

1) понедельник – день Луны (англ. *Monday – Moon day*; лат. *Lunae dies*; франц. *Lundi*; исп. *Lunes*; итал. *Lunedì*) [29];

2) вторник – день Марса (лат. *Martis dies*; франц. *Mardi*; исп. *Martes*; итал. *Martedì*) или день воинственного древнегерманского бога Тiu (Tiu, Tiw) – аналога Марса (норв. *Tysdagr*, швед. *Tisdag*, англ. *Tuesday*, нем. *Dienstag*) [34];

3) среда – день Меркурия – покровителя письменной и устной речи (лат. *Mercurii dies*; франц. *Mercredi*; исп. *Miércoles*; итал. *Mercoledì*) или день Водена (Вотана) – бога, создавшего руническую письменность (англ. *Wednesday*, швед. *Onstag*, голл. *Woenstag*, датск. *Onsdag*) [35];

4) четверг – день Юпитера (лат. *Jovis dies*; франц. *Jeudi*; исп. *Jueves*; итал. *Giovedì*) или день громовержца Тора, германо-скандинавского аналога Юпитера (англ. *Thursday*, финн. *Torstai*, швед. *Torsdag*, нем. *Donnerstag*) [33];

5) пятница – день Венеры (лат. *Veneris dies*; франц. *Vendredi*; исп. *Viernes*; итал. *Venerdì*) или день германо-скандинавской богини любви и плодородия Фрейи (Фригги) (англ. *Friday*, швед. *Fredag*, нем. *Freitag*) [24];

6) суббота – день Сатурна (англ. *Saturday*, лат. *Saturni dies*). Заметим, что некоторые европейские названия обусловлены религиозными традициями: рус. *суббота*, пол. *Sobota*, исп. *Sábado*, итал. *Sabato*, франц. *Samedi*, нем. *Samstag* восходят к греческому *sambaton/sabbaton*, заимствованному из иврита как *sabbath* и означающему «шаббат – покой, отдых». В христианской Римской империи неделя начиналась с воскресенья и завершалась субботой; первый день недели был днем отдыха и соблюдения культа. Согласно традиции иудаизма, днем отдыха был седьмой день недели – суббота. Бог создал мир за шесть дней, на седьмой день он отдыхал и заповедовал отдыхать людям: «И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и создал (Быт. 2:3)» [6].

Наименования субботы в скандинавских языках (финн. *Lauantai*, швед. *Lördag*, датск. *Lørdag*) произошли от древнегерманского *Laugardagr*, обозначающего «*bath day* – день омовения» и, возможно, связанного с ритуальными действиями [30];

7) воскресенье – день Солнца (англ. *Sunday*, лат. *Soles dies*, нем. *Sonntag*). В русском наименовании «воскресенье» и в романских наименованиях прослеживаются христианские мотивы «Дня Господня» (франц. *Dimanche*, итал. *Domenica*, исп. *Domíngo*) [32].

Замкнутый образ круга обнаруживается не только во временном, но и в пространственном выражении. Круг как символ единства и завершенности воплощался в ограждении сакральных мест, в практике обхода по кругу или опахивании земли при освоении новых территорий.

Пространственно-временные отношения в мифологической картине мира синкретичны. Так, в др.-англ. *first* совмещены пространственное и временное значения: «*first – a ceiling, inner roof* – потолок, конек крыши» и «*first – a space of time* – период времени, срок» [23]. Очевидно, конек крыши, отмечавший самую верхнюю точку в пространстве жилища, вместе с тем служил и для измерения времени. Частным вариантом подобной модели можно считать обозначение пространственного и временного понятий при помощи родственных слов: др.-англ. *fæc* «*temporal* – временный; промежуток времени» и «*distance* – дистанция; *space* – пространство» [21], др.-сакс. *fāc/faca* «*of spaces* – пространственный» [22].

Пространственно-временной изоморфизм выражается в структуре «мирового дерева» – мифологического архетипа, вселенского дерева, объединяющего все сферы мироздания. Так, в древнегерманской и скандинавской мифологии исполинский ясень Иггдрасиль символизирует вселенную и ее устройство. Игг – одно из имен бога Одина, название Иггдрасиль («конь Одина») связано с мифом об обретении Одином тайных знаний и закреплении этих знаний в рунах. Согласно преданию, Один был пронзен собственным копьем и провисел на ясене Иггдрасиль девять дней, принеся себя в жертву для того, чтобы познать мудрость рун. Вокруг ясеня вращаются девять миров: Асгард (мир асов – верховных богов), Льоссальвхейм (мир светлых эльфов), Ванакхейм (мир божественных ванов – богов плодородия рангом ниже, чем асы), Йотунхейм (мир гримтурсенов – предвечных великанов, живших еще до появления асов), Мидгард (срединный мир – мир людей), Муспелльхейм (мир огня), Свартальвхейм/Нидавеллир (мир темных эльфов), Нифльхейм (мир туманов) и Хельхейм (мир мертвых).

Все миры связаны между собой общим путем – небесной радугой или «дорогой душ». В каждом из них особый счет времени в сутках, смена времен года, длительность года. Переходя из одного мира в другой,

герои мифа попадали в иное время суток и года. В нумерологии девять символизирует завершенность и в то же время постоянный круговорот, непрестанное разрушение и возрождение. Девять миров, вращающихся вокруг Иггдрасиля, символизируют вечное возобновление, цикличность происходящего [12, с. 284-292].

Мы наблюдаем сходную картину в славянской мифологии. Мировое древо Вырий (обозначавшееся березой, явором, дубом, сосной, рябиной, яблоней, липой, калиной) находится на острове Буяне, на Алатырь-камне, представляющем собой центр мироздания. Вырий – это мировая ось, соединяющая мир людей (Явь – средний мир, в котором живут люди, звери, растения) с миром богов (крона дерева дотягивается до Прави – небес, места обитания «светлых» богов, предков людей и прародителей всех птиц и животных) и подземным миром (корни дерева уходят под землю, в Навь – мир мертвых, которым правят «темные» боги). Ствол мирового древа – это лестница, дорога, по которой можно попасть в любой из миров, однако такое путешествие недоступно простому смертному [5, с. 450-456].

При помощи мирового древа моделируется вертикальная троичная структура мира (подземное, земное и небесное царства), четверичная горизонтальная структура сторон света (север, запад, юг и восток и соответствующие четыре ветра), цикличность жизни и смерти (зеленое, цветущее дерево и сухое дерево). Славянские мифологические представления синкретичны, пространственные отношения неотделимы от временных координат. Например, текст мифологического изображения года в обрядах «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда, в каждом гнезде по семь птенцов» [2] отсылает нас к повторяющимся временным циклам.

Мифологическое сознание оперирует двоичными противопоставлениями – бинарными оппозициями, обусловливавшими в том числе и пространственно-временные характеристики. Наиболее абстрактное и формализованное выражение всей серии противопоставлений в славянской мифологии – противопоставление «чет – нечет». Так, выделялись благоприятные четные и неблагоприятные нечетные дни недели: второй день недели – вторник – день Прове, бога-покровителя и смотрителя священных деревьев; четвертый день недели – четверг – день Перуна, славянского бога грома и воинской доблести; пятый день недели – пятница – день Макоши, славянской богини плодородия, покровительницы и защитницы хозяек, в нижней ипостаси предстающей колдуньей Ягой – матерью ветров и повелительницей лесного мира, способной даровать как жизнь, так и смерть.

Понятия права, правды, справедливости находят выражение в оппозиции «правый – левый», связанной с оппозицией «верхний – нижний»: образы Правды на небе и Кривды на земле соотносятся с представлениями человека о судьбе, на которую отчасти можно повлиять, угодив богам. Другой оппозицией, связанной с противопоставлением «правый – левый», становится оппозиция «мужской – женский». В свадебных и похоронных ритуалах женщины должны были находиться слева от мужчин. Более того, женская символика связывается и с понятием Кривды, после принятия христианства появилась пословица: «Из кривого ребра Адама Бог жену создал, оттого и кривда пошла» [17].

Оппозиция «верх – низ» реализует противопоставление неба – места обитания божеств и земли – места обитания человека, благоприятное взаимодействие между ними связывается с наступлением весны. Аналогичным образом противопоставляются вершина мирового древа, на кроне которого располагаются небеса и живущие на них боги, и его корни – преисподняя, в которой пребывают темные боги, существа, связанные со смертью (русалочки – земляночки), и сами покойники.

Оппозиции «север – юг» и «запад – восток» формируют пространственную структуру относительно солнца, что нашло отражение в правилах ритуалов и устройстве святилищ в соответствии со сторонами света. Со сторонами света соотносятся и четыре мифологизированных ветра, расположившихся «в углах» земли, старший из которых – Вихорь посылает остальные ветры дуть туда, куда ему захочется.

Земля, суша противопоставлялась морю – местопребыванию преимущественно отрицательных персонажей, жилищу смерти и болезней (воплощение моря – морской царь и его двенадцать дочерей – двенадцать лихорадок). Положительный аспект отмечается в мотивах прихода весны и солнца из-за моря.

Оппозиция «близкий – далекий» отражает горизонтальную структуру пространства и тесно связана с оппозицией «свой – чужой». Жилище человека противопоставляется лесу и полю – местам обитания зверей, духов, всего, что воспринимается как «чужое» и вызывает опасения.

Противопоставление дня и ночи воплощается в образах утренней, полуденной, вечерней и полуночной зорей. Еще одним противопоставлением по времени является противопоставление весны, связанной с Ярилой и Костромой (богами – символами плодородия), и зимы, связанной с Мораной (богиней бесплодной, болезненной старости, увядания жизни) [5, с. 450-456].

В древнегерманской мифологии пространственно-временные оппозиции обусловлены идеей отделения (выделение из хаоса элементов, которые впоследствии станут основой космоса). Мидгард – мир людей представляет собой пространство, граничащее со всех сторон с океаном. По горизонтали Мидгард противопоставлен внешнему пространству за границами океана, населенному великанами; по вертикали он противопоставляется Асгарду – жилищу богов и Хельхейму – подземному царству. Важнейшая характеристика Мидгарда – его локализация в центре (о чем свидетельствует элемент *mid* «*mid* – средний» [28]) и по горизонтали, и по вертикали, т.е. в узловом, с сакральной точки зрения, месте. С идеей отделения связаны и оппозиции «земля – море», «день – ночь», отделение капища/требища от профанного пространства.

Еще одной значимой идеей древнегерманской мифологии стала идея меры (формы, структуры, порядка), противопоставленная отсутствию меры (бесформенности, аморфности, невыделимости). То, что поддается измерению, прочно, надежно и гармонично. Измерение времени было ориентировано на стадии роста мирового древа Иггдрасиль. Возникновение его в форме зерна соответствовало периоду хаоса, рост и развитие символизировали превращение хаоса в космос, старение и сгорание должны были наступить в конце мира.

Оппозицию «начало – конец» можно отнести к асимметричным, что подтверждается языковыми данными (различным обозначениям начала соответствует общее для древнегерманских языков слово «конец», объединяющее пространственный и временной смыслы: др.-исл. *endi*, норв., датск. *ende*, шведск. *ände*, готск. *andeis*, др.-англ. *ende*, др.-сакс. *endi*, др.-в.-нем. *enti* [20]). Начало, символизирующее упорядочивание вселенной, относится к прошедшему; конец непредсказуем и ассоциируется с будущим.

В оппозиции «покой, неподвижность – движение» противопоставляются прочность дома, пользующийся доверием род или семья и уход из семьи, оставление безопасных пределов, что перекликается с традиционной для мифологии оппозицией «свое – чужое». Путь представляет собой синтетический образ, сочетающий сферу пространства и времени. Роль пути заключается в установлении связи между объектами пространства, их объединении. Каждый из миров характеризуется собственным путем: свой небесный путь проходят месяц и солнце, люди проходят земную дорогу или средний путь, в подземном царстве проходят дороги Хель, повелительницы мира мертвых. Путь представляет собой линейный образ пространства, неотделимый от понятия времени, поскольку он имплицитно подразумевает движение, динамику. Своеобразная разновидность пути – мост, соединяющий точки пространства по вертикали: радужный мост Биврёст/Бифрост соединял небо и землю, по нему поднимались в Асгард павшие в битве воины; Гьялларбру, мост через реку Гьелль, связывает землю и нижний мир, по нему проходят души умерших не на поле сражения. Приведем аналогию в славянской мифологии: души умерших проходили по Калинову мосту через реку Смородину во владения богини зимы и смерти Мораны/Морены.

Оппозиция «установленный – неустановленный» выражает космоизацию вселенной, закрепление за объектами определенных мест и приобретение ими статуса самостоятельного существования. Утрата своего места (свержение звезд с неба, падение месяца, разрушение гор) ведет к гибели объекта, концу света. Идея необходимости собственного, «установленного» пространства нашла выражение в ритуале воздвижения столба или колонны (*столб, колонна* – др.-англ. *stod, studu*; ср.-в.-нем. *stud*; др.-исл. *stod* [31]) в сакральном месте или обычае выбрасывать за борт столпы-опоры прежних жилищ рядом с местом нового поселения.

Важными противопоставлениями в древнегерманской мифологической картине мира становятся противопоставления по возрасту, причем пространственно-временные понятия описываются с антропоцентрической точки зрения: мировое древо растет подобно человеческому организму. Герои мифа не имеют конкретного возраста, несмотря на то, что события в их жизни могут складываться в определенную временную последовательность и соотноситься с определенными качествами. Так, старость понимается как мудрость, опыт; молодость героя связана с подвигами и победами. Жизнь мифических божеств также казалась застывшей, в ней отсутствовало развитие, например, Один всегда представлялся старцем [12, с. 284-292].

Проведенное исследование позволяет нам выявить и систематизировать ряд сходств в пространственно-временной организации славянской и древнегерманской мифологических картин мира:

1) для славян и германцев вселенная представляет собой замкнутое пространство, в основе всех происходящих событий и процессов лежит цикличность, возвращение к началу означает достижение постоянства и гармонии;

2) время и пространство неотделимы друг от друга, изоморфизм пространственно-временных отношений выражается в структуре «мирового древа»;

3) окружающая действительность упорядочивается посредством ряда бинарных оппозиций, позволяющих ориентироваться в пространстве по вертикали и горизонтали («земля – небо», «суша – море», «север – юг», «запад – восток», «верхний – нижний», «близкий – далекий»), во времени («день – ночь», «весна – зима»), в социуме («мужчина – женщина», «старость – молодость»), в культуре и обиходе («вода – огонь», «сакральное – профанное»);

4) славянскому и германскому мифологическому сознанию свойственна антропоцентричность: жизнь на небе и в подземном царстве описывается с точки зрения обитателя срединного мира – земли, выступающей сакральной точкой отсчета, вокруг которой формируются все пространственные и временные представления; переход от хаоса к космосу, развитие мира сопоставляется с рождением, становлением и смертью, т.е. человеческим жизненным циклом;

5) важной в обоих мифологических сознаниях представляется идея отделения, рубежа, переходя который человек покидает «свое» и отправляется на встречу к «чужому»; на оппозицию «свое – чужое» нанизываются другие временные и пространственные оппозиции;

6) для славян и германцев образ пути сочетает в себе линейные пространственные и динамичные временные характеристики.

Сказка генетически связана с мифом, она сохраняет основную функцию мифа – миромоделирование. Однако пространственно-временной масштаб мифа сужается в сказке. На смену мифическому герою, обладающему гиперболизированной силой, смелостью и способному на подвиги, приходит сказочный герой, добывающий блага не для рода, а для себя. Он лишается магических сил и способностей, присущих герою мифа, поэтому ему необходим волшебный помощник, выполняющий функции героя. В сказочном хронотопе сохраняются элементы мифологического опыта и появляются новые элементы, меняющие параметры мифологического хронотопа и ведущие к перераспределению содержательных характеристик и функциональных возможностей сказочных героев [16, с. 56].

По утверждению В. Я. Проппа, пространство – важнейший элемент сказочной картины мира: «... в фольклоре действие совершается прежде всего в пространстве, времени же, как реальной формы мышления, как будто совсем нет» [14, с. 95]. Сказочное повествование разворачивается в соответствии с путем персонажа,

причем пространственное перемещение героя происходит по узловым точкам – остановкам (пространственным объектам, на территории которых персонаж совершает действия или переживает события). Уместным здесь будет привести определение «фольклорного локуса», означающего «пространство в поэтическом фольклорном тексте, имеющее границы, привязку к конкретному (реальному) месту, в котором происходят локальные значимые события» [8].

Система локусов может быть описана при помощи иерархически организованных оппозиций: «положительный – отрицательный» → «природный – освоенный человеком» → «открытый – закрытый» → «свой – чужой» → «верх – низ» → «реальный – фантастический» [19, с. 12]. Нам представляется возможным разделить локусы на статичные и динамичные. К статичным отнесем приватные локусы (наименования жилищ), социальные локусы (наименования мест коллективного присутствия) и природные локусы (элементы ландшафта); динамичные локусы представим образами дороги, пути, тропинки. В комплексных локусах совмещаются статические и динамические характеристики: так, локус «бал» можно рассматривать с точки зрения места его проведения (место коллективного присутствия) и с точки зрения непосредственно действия.

Заметим, что вопрос относительно использования термина «локус» в отношении элементов ландшафта является спорным. Как полагает В. Ю. Прокофьева, локусами следует называть только закрытые пространственные образы, открытые пространственные образы определяются исследователем как «топосы»: «...понятие “топос”... это значимое для художественного текста... “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства, как правило, открытым» [13, с. 89]. Таким образом, океан/море/реку/озеро, леса и горы следует отнести к статичным природным топосам.

Статичные природные топосы соотносятся с категорией «чужое», так как служат местами обитания нечистой силы и врагов. «Свое» пространство представлено локусом дома в германской традиции и двора в славянской традиции, символизирующих семью, родную сторону, благополучие. Пограничной областью, медиатором, связывающим «свое» и «чужое», могут выступать берег реки, подножие горы, колодец, холм, облако [18, с. 67].

Динамичные локусы, формирующие пространство дороги, относятся к ритуальным и сакрально значимым. Образ дороги одновременно соотносится с жизненным путем и с путем души в загробный мир. Поскольку дорога представляет собой своеобразную границу между «своим» и «чужим» пространством, она часто рассматривается как «нечистый» локус, место появления волшебных персонажей. Связь дороги с потусторонним миром и семантикой пути делает ее тем местом, где решается судьба, проявляется удача или неудача, сопутствующие случайным встречам с людьми и животными.

Путешествие сказочного героя или пространственная композиция сказки может быть представлена в виде формулы, объединяющей статические локусы в определенную последовательность, например: родной дом – тридевятое царство – родной дом. Количество узловых точек формулы может быть увеличено за счет дополнительных остановок (в избушке Бабы Яги / месте проживания волшебного помощника / месте обитания врага). Подобное движение от объекта к объекту считается однонаправленным, оно типично для волшебных сказок: «Согласно традиционным представлениям сказочный герой следует всегда в одном направлении от *locus* 'а к *locus* 'у, не отклоняясь в сторону и никогда не возвращаясь на покинутую территорию» [7, с. 68].

Любопытно, что сказочный хронотоп эволюционирует в части пространственной составляющей, так как в более поздних записях народных сказок пространственная композиция включает «разнохарактерное или ломаное» движение (термин Г. А. Комлевой), то есть «на смену принципу «нанизывания» приходит иной способ организации сюжета, материалом которого по-прежнему остаются пространственные *locus* 'ы. Но соединяет их сказочник по-другому, не только нанизывая, но и протягивая нить от одного к другому, нередко захватывая один и тот же *locus* дважды» [Там же, с. 69]. Более того, помимо усложнения формулы пути сказочного героя, в композиции появляются ложное и внесюжетное путешествия. Под ложным путешествием подразумевается путешествие, в результате которого герой, покинувший дом с определенной целью, возвращается, не достигнув ее. Затем он вновь отправляется в путь и выполняет поставленную задачу. Внесюжетным называется путешествие, которое не запланировано сюжетной схемой, может предшествовать «истинному» путешествию или следовать за ним, его цель носит вспомогательный характер: добыть оружие, богатейского коня, найти волшебный предмет. Формула внесюжетного путешествия в отличие от истинного и ложного путешествий может иметь незавершенный вид, так как приватный локус «родной дом» в этом случае может опускаться.

Сказочное время, подобно мифологическому времени, циклично и замкнуто: «Сказочное время не выходит за пределы сказки... Его как бы нет до начала сказки и нет по ее окончании» [11, с. 74]. Лингвистически цикличность и замкнутость сказочного времени подчеркиваются инициальными и финальными формулами:

(1) *Once upon a time, and a very good time it was too, when the streets were paved with penny loaves and houses were whitewashed with buttermilk and the pigs ran around with knives and forks in their snouts shouting 'eat me', 'eat me'...* [Цит. по: 25, р. 280] / Однажды, в стародавние времена, когда улицы были вымощены булочками, дома были побелены сливками, а снующие туда-сюда поросята держали ножи и вилки в своих пяточках и призывали «съешь меня», «съешь меня»... (перевод автора – Н. С.);

(2) *Once upon a time, and a very good time too, though it was not in my time, nor your time, nor for the matter of that in any one's time...* [Цит. по: 27] / Однажды, в стародавние времена, ни в мои, ни в ваши, ни в еще чьи-либо... (перевод автора – Н. С.);

(3) В некотором царстве, некотором государстве жили-были... [Цит. по: 4];

(4) *In that town there was a well and in that well there was a bell. And that is all I have to tell* [Цит. по: 26] / Был в том городе колодец, был в колодце колокольчик. Вот и все, рассказ окончен (перевод автора – Н. С.);

(5) *Step on a tin, the tin bends. This is how my story ends* [ibidem] / Наступи на жестянку, жестянка согнется. Вот как для сказки конец найдется (перевод автора – Н. С.);

(6) Стали жить-поживать да добра наживать [Цит. по: 10];

(7) На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало [Цит. по: 3].

Категорию времени в тексте сказки представляют две группы выражений: выражения со значением временной неопределенности и выражения со значением неожиданного действия. Формулы временной неопределенности («*once upon a time* – однажды», «*on a certain time* – когда-то»; долго ли, коротко ли), как правило, употребляются для описания путешествия героя и подчеркивают длительность пути до «иного» царства. Использование формул временной неопределенности свидетельствует об условности пространственно-временных сказочных образов и в сочетании с приемом ретардации обеспечивает неторопливость повествования. Повторение выражений со значением неожиданного действия (вдруг, откуда ни возьмись; «*but* – но», «*on a sudden* – внезапно, ни с того, ни с сего») указывает на завершение одного цикла повествования и начало следующего.

Поводя итоги вышеизложенному, выделим основные сходства в пространственно-временных образах мифа и сказки:

1) обе модели мира, мифологическая и сказочная, представляют собой биполярное образование, представленное взаимосвязанными временными и пространственными оппозициями;

2) мифологический хронотоп характеризуется синкретичностью, понятие пространства объединено с понятием времени, тогда как в сказочном хронотопе акцентированным элементом становится пространство, путь героя в пространстве создает ось повествования;

3) базовой миромоделирующей оппозицией обеих картин мира становится оппозиция «свое» – «чужое», вокруг которой организуются другие пространственные и временные оппозиции;

4) мифологический и сказочный хронотопы по-своему антропоцентричны: в мифе о героях и событиях повествуется с точки зрения человека, земля предстает центром, относительно которого располагаются другие миры; неотъемлемыми элементами сказки становятся прагматизм и индивидуализм героя, стремящегося к личному счастью.

Основным отличием сказки от мифа следует признать формирование особой художественной действительности, основным параметром которой является необычность, выдумка. Характер сказочного вымысла направлен не на обуздание природных стихий, воспроизведение действий предков, объяснение или измерение явлений, а на комфортное обустройство в мире. В результате происходит изменение пространственно-временного континуума – деятельной среды персонажа, он сужается, постепенно переходит от цикличности к линейности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> (дата обращения: 28.08.2016).
2. Древние славяне. Древо жизни [Электронный ресурс] // Великая энциклопедия мифов и легенд. URL: http://www.vsemifu.com/mifu/slaviane/drevo_jizni.php (дата обращения: 03.09.2016).
3. Иван Быкович [Электронный ресурс] // Русские народные сказки. URL: http://www.gumfak.ru/otech_html/drevne/skazki.shtml (дата обращения: 03.09.2016).
4. Иван – крестьянский сын и чудо-юдо [Электронный ресурс] // Русские народные сказки. URL: <http://vseskazki.ru/narodnye-skazki/russkie-narodnie-skazki.html?start=160> (дата обращения: 03.09.2016).
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 450-456.
6. История недели [Электронный ресурс]. URL: <http://roadfork.narod.ru/week.htm> (дата обращения: 03.09.2016).
7. Комлева Г. А. Пространственная композиция фольклорной сказки // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 67-73.
8. Кузьмина М. Ю. Динамичные локусы в былинном тексте [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/10/pdf/45.pdf> (дата обращения: 02.09.2016).
9. Лешкевич Т. Г. Сказка: фундаментальные аспекты исследования // Философия и сказка: сборник научных трудов. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 8-14.
10. Лиса, заяц и петух [Электронный ресурс] // Русские народные сказки. URL: http://www.gumfak.ru/otech_html/drevne/skazki.shtml (дата обращения: 03.09.2016).
11. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
12. Мелетинский Е. М., Гуревич А. Я. Германско-скандинавская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 284-292.
13. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета, 2005. № 11. С. 87-94.
14. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1989. 233 с.
15. Пространство и время [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128135:article> (дата обращения: 28.08.2016).
16. Руберт И. Б., Долгова Н. Б. Основные характеристики мифологического времени в англосаксонских эпических текстах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. Т. 3. № 5. С. 53-63.
17. Русская мифология. Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/141743/76/Eriashvili_Madlevskaya_Pavlovskiii_-_Russkaya_mifologiya_Enciklopediya.html (дата обращения: 02.09.2016).
18. Соловьева Н. В. Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин мира // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 63-69.
19. Фролова О. Е. Содержательные и методические интерпретации категории «пространство» при обучении толкованию русского прозаического художественного текста (иностранцы студенты-филологи основного этапа): автореф. дисс. ... к. пед. н. М., 1996. 22 с.
20. End [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=end (дата обращения: 05.09.2016).

21. **Fæc** [Электронный ресурс] // Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://www.bosworthtoller.com/044303> (дата обращения: 05.09.2016).
22. **Fāc** [Электронный ресурс] // Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://www.bosworthtoller.com/finder/3/f%C4%81c> (дата обращения: 05.09.2016).
23. **First** [Электронный ресурс] // Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://www.bosworthtoller.com/finder/3/first> (дата обращения: 05.09.2016).
24. **Friday** [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=friday (дата обращения: 05.09.2016).
25. **Irish folktales** / ed. by Henry Glassie. N.Y.: Pantheon Books, 1985. 353 p.
26. **Jennings T., Ponder L.** Folktale closings. Alternatives to “happily ever after” [Электронный ресурс] // Jennings T., Ponder L. World Tales & Celtic Music. URL: <http://www.folktale.net/endings.html> (дата обращения: 03.09.2016).
27. **Jennings T., Ponder L.** Folktale openings from Storytell [Электронный ресурс] // Jennings T., Ponder L. World Tales & Celtic Music. URL: <http://www.folktale.net/openers.html> (дата обращения: 03.09.2016).
28. **Mið** [Электронный ресурс] // Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://www.bosworthtoller.com/023017> (дата обращения: 05.09.2016).
29. **Monday** [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=Monday (дата обращения: 05.09.2016).
30. **Saturday** [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=saturday (дата обращения: 05.09.2016).
31. **Stod** [Электронный ресурс] // Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://www.bosworthtoller.com/finder/3/stod> (дата обращения: 05.09.2016).
32. **Sunday** [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=sunday (дата обращения: 05.09.2016).
33. **Thursday** [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=thursday (дата обращения: 05.09.2016).
34. **Tuesday** [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=Tuesday (дата обращения: 05.09.2016).
35. **Wednesday** [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=Wednesday (дата обращения: 05.09.2016).

THE FEATURES OF SPECIAL-TEMPORAL ORGANIZATION OF MYTHOLOGICAL AND FABULOUS WORLDVIEWS

Solov'eva Nataliya Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow Region State University
natavs@list.ru

The article systematizes the matching and distinguishing characteristics of mythological and fabulous chronotopes. Both chronotopes are distinguished by anthropocentrism and bipolarity, which is expressed in the interrelated spatial and temporal oppositions. The mythological chronotope is distinguished by cyclicity, reproducibility, and its spatial-temporal images are syncretic. The fabulous chronotope is characterized by the narrowing of spatial-temporal continuum and the transition from cyclicity to linearity.

Key words and phrases: worldview; mythological and fabulous chronotope; spatial-temporal images; cyclicity; linearity; bipolarity.

УДК 801.312

В статье рассматриваются проблемы и функционирование трансформации северокавказских базовых ценностей в контексте эволюционирования мифопоэтического синкретизма, ментальности (миф-эпос-этикет) и их интегрированности в общечеловеческую структуру духовного пространства. Также предпринята попытка выявления роли и функции этнического прошлого (соотношение личного и коллективного сознания в формировании национального историко-культурного процесса) в структурировании новой северокавказской картины мира в условиях глобализации.

Ключевые слова и фразы: этническая модернизация; трансформация общественного сознания; этнодуховные основания; модель мира; этико-эстетическое сознание; этнос.

Тхагазитов Юрий Мухаметович, д. филол. н.
Керимова Раузат Абдуллаховна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
K.Roza07@mail.ru

К МЕТОДОЛОГИИ ЦЕЛОСТНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Северокавказские культуры в процессе развития прошли длительный путь, обозначенный важными историческими событиями, национальной спецификой и дальнейшими преобразованиями их этнодуховных оснований, которые, как представляется, необходимо изучать в контексте длинных линий преемственности.